

Глава 8. Цзичжу Гама

Однако, когда Линь Фэн закончил упаковывать вещи и под бесконечные наставления матери в сопровождении отца открыл дверь комнаты, он испытал глубочайшее удивление.

Собираясь выходить, он заметил Саньхая, который выглядывал из машины и махал рукой, и поначалу подумал, что тот просто пришел проводить его. Но когда Линь Фэн открыл дверцу автомобиля и увидел на заднем сиденье целую гору багажа, он на мгновение остолбенел.

— Ты это к чему? — с некоторой запинкой спросил он.

Саньхай высунулся с переднего сиденья и с ухмылкой произнес:

— В Куньлунь же.

— Нет, погоди, ты... это... — В голове у Линь Фэна гудело. Он никак не мог подобрать слова: отдельные обрывки слетали с языка, но выдать из себя хоть одно связное предложение никак не удавалось.

Саньхай самодовольно ухмыльнулся, демонстрируя ряд ослепительно белых зубов:

— Тебе туда можно, а мне нельзя?

— Да дело не в этом... — смущенно пробормотал Линь Фэн. — Я к тому, что у тебя есть выбор получше.

— Куньлунь — отличное место. Как ты и говорил, поедem туда царями горы, — весело заявил Саньхай, вылез из машины, схватил Линь Фэна за плечи и затолкал внутрь салона. — Живей, живей! Чего копаешься, как девчонка, ты еще марафет наведи! Я тебя уже целую вечность жду!

С этими словами он протиснулся следом и устроился рядом.

Линь Фэн чувствовал, что от таких новостей голова идет кругом. Совесть была нечиста, и он с опаской начал:

— Эй, послушай, Саньхай, ты ведь не всерьез воспринял то, что я болтал раньше?

— То есть как — не всерьез? — испугался Саньхай, широко вытаращив глаза. Затем он заметил мрачное, страдальческое выражение на лице Линь Фэна, его глаза сузились, и он рассмеялся, пошло толкнув друга плечом. — Шучу я, шучу! Не принимай близко к сердцу! Я вообще-то

хорошенько всё обдумал, прежде чем решиться туда поехать.

Линь Фэн моргал, ожидая продолжения.

И тогда Саньхай принялся без умолку болтать всю дорогу.

Если говорить вкратце, то этого паренька вместе с его батюшкой-полковником полностью охмурила та длинная тирада, которую выдал Линь Фэн.

Отец, чьи надежды не оправдались, глядя на победный вид генерала Линя, постыдно поддался духу соперничества и страстно желал, чтобы его собственный сын тоже смог изречь нечто столь же внушительное.

Сын же, чувствуя себя рожденным не в свое время, с одной стороны, сокрушался в духе *если уж родился Юй, то зачем родился Цжугэ*¹, а с другой — был загнан собственным папашей на пиратский корабль. Говорили даже, что после военной академии его непременно отправят на поблажки в Силы специального назначения.

Линь Фэн всю дорогу размышлял об этом. Саньхай хоть и казался послушным, но в принципиальных вопросах всегда имел собственное мнение. Наверняка у него самого проскальзывала мысль о том, до куда он сможет пойти, и всё же главным катализатором, судя по всему, стала именно та фраза про царей горы.

Лучше быть хозяином на своей земле, чем драконом, пересекающим реку². В этих словах и впрямь была своя сермяжная правда.

У Цзичжу Гамы в последнее время было неважное настроение. Стоило ему хоть на миг погрузиться в тишину, как перед глазами вставал тот самый взгляд: черно-белые глаза, казалось, насквозь пронизывающие всё вокруг, с оттенком понимания, толикой презрения, капелькой отторжения и долей жалости.

Если в глазах человека отражается слишком много эмоций, они неизбежно мутнеют и перестают быть ясными, но этот парень умел смотреть так, что всё читалось предельно четко.

Именно из-за этой ясности он и невзлюбил того малого.

Кхамцы испокон веков отличались открытым нравом и решительностью: у них один — это один, а два — это два. Особенно в дружбе: относишься ко мне искренне — я душу за тебя выверну наизнанку, и наоборот. Считаешь меня врагом — что ж, померяемся кулаками. Было очевидно, что тот парень ему в друзья не годится.

Когда Цзичжу Гама с багажом в руке шагал по старой улице уезда Ганцзы, чайные лавки на каждом шагу ломились от посетителей. Говорят, тибетцы любят чай — он и сам его любил,

особенно тот самый чай старого орла, терпкий на первом глотке и сладковатый после. Этот насыщенный аромат нравился ему больше всего. Жаль только, что военную академию построили на равнине, среди городских жителей. Стоило ему вспомнить того явно городского парнишку и его подельников, как его собственная страсть словно тускнела — в конце концов, чаепитие требует подходящей атмосферы.

Чайные на старой улице были открытыми, с массивными опорами из лакированного дерева. Они находились совсем близко к дороге и отделялись лишь невысокими перилами, на которые можно было присесть. Издалека доносился манящий аромат чая. Цзичжу Гама поймал себя на мысли, что еще не уехал, а уже скучает по этим местам, по своему родному краю.

Дядя Чжаньдуй, обладатель густой бороды, высунулся из-за перил и окликнул его:

— Эй! Жума из семьи Плэмба, говорят, ты поступил в университет? Какая прекрасная новость! Первый человек в нашем селении за последние пять лет, ты принес великую гордость отцу и матери!

Услышав это, прохожие замолчали и один за другим стали приближаться, не скупясь на похвалы.

Мать и отец стояли рядом, счастливо улыбаясь, и с открытым сердцем принимали всеобщее восхищение.

Цзичжу Гама расплылся в улыбке и расправил плечи. Восхищение окружающих и гордость близких разогнали темные тучи, клубившиеся у него на душе.

Армия — место, где собираются закаленные в боях мужи. Он был рад ступить на этот путь. Пока он верен своим убеждениям и остается хорошим солдатом, всё остальное не имеет значения.

И он даже не представлял, до какой степени будет счастлив.

Какую же важную роль в его будущем суждено было сыграть тому человеку.

Отец и мать провожали его до самого поезда. Глядя на то, как у известного на всю округу кхамца наворачиваются слезы на глазах, Цзичжу Гама почувствовал, как мир перед ним тоже расплывается. Раздался долгий гудок паровоза, состав медленно тронулся. Увидев бегущую за окном мать, он наконец не выдержал и громко закричал сквозь стекло:

— Мама, не переживай! Цзичжу не посрамит семью! Я обязательно вернусь в военной форме и с красным шелковым шариком на груди, совсем как братец Дава из семьи Лосана!

Издалека донесся голос матери: Я спокойна, Гама из семьи Плэмба — самый лучший!

Натаскавшись с бесчисленными узлами и чемоданами, натерпевшееся пыли в дороге семейство наконец добралось до Куньлуня. Тут Цзичжу Гама понял, что этот мир тесен до крайности.

Тот самый паренек, которого он видел в день отправки, сидел на клумбе недалеко от стола регистрации и ковырялся в телефоне. Рядом с ним крутился еще один бледный парень, и оба они весело о чем-то переговаривались. От стола регистрации как раз отходил какой-то мужчина, на ходу давая тихие указания. Мужчина был похож на представителя какого-нибудь национального меньшинства, а коротко стриженные волосы выдавали в нем подтянутого и энергичного человека.

Паренек с телефоном, словно что-то почувствовав, повернул голову, и их взгляды столкнулись — прямо как два скрестившихся острых мечей.

— Брат Чжао, спасибо. — Линь Фэн взял карточку с номером комнаты и бросил на нее взгляд: ожидаемо, их с Саньхаем поселили вместе. Впрочем, иного и не стоило ожидать — отец Саньхая приставил к ним человека не просто для того, чтобы тот сопровождал их до академии, наверняка здесь были и другие распоряжения. Линь Фэн не очень-то любил подобное покровительство и предпочел бы вообще скрывать свое происхождение от всех на свете.

Но и откровенно отвергать чужую заботу было неудобно, поэтому он произнес:

— Тогда мы пойдем внутрь, брат Чжао, на этом можете нас оставить.

Саньхай приподнял бровь и с усмешкой бросил:

— Судя по этому месту, здесь наши правила. Отец вечно обо всем беспокоится, брат Чжао, поезжайте не спеша.

Раз уж оба молодых господина высказались столь определенно, давая понять, что не нуждаются в лишней опеке, Чжао Цзин оставалось лишь молча привязать вещи каждого из них по отдельности.

Линь Фэн собрал багаж, выпрямился и, повернув голову, неожиданно увидел стоявшего на другой стороне дороги Цзичжу Гаму.

Темные джинсы и простая футболка обтягивали его худощавую фигуру. Длинные волосы были коротко острижены под машинку — практически под ноль, — и на голове торчал лишь мягкий пушок, который под лучами солнца отливал легкой синевой. Это придавало его лицу еще более решительное и мужественное выражение, хотя, по правде говоря, выглядел он теперь совсем мальчишкой.

Образ наложился на воспоминания из прошлого: зрелость и юность, сокрытое и показное,

невозмутимость и острота. Тот же гладкий чистый лоб, тот же излучающий холодный свет взгляд. Линь Фэн снова потерял счет времени и пространству, не понимая, где верх, а где низ.

В последнее время, между подготовкой к экзаменам и изнуряющими тренировками, он не раз думал об этом парне с бусиной. Но мысли всякий раз сводились к одному и тому же: всё в прошлом, это события прошлой жизни, о чем тут вообще спорить? И только встретившись лицом к лицу, он понял, что все эти мнимые психологические барьеры — лишь жалкие песчинки, брошенные в стремительные воды Янцзы.

Саньхай проследил за взглядом Линь Фэна и, заметив, что напротив на них пялится какой-то смуглый тип, слегка нахмурил брови:

— Чего это он? Знакомы?

— А?! — Линь Фэн опомнился. — Нет, не знаком.

— Ну так пошли? — Саньхай дернул его за рукав, увлекая за собой в ворота.

Линь Фэн не удержался и бросил еще один долгий взгляд на удаляющуюся к месту регистрации спину, тяжело вздохнув. Он-то думал, что всё уже в прошлом, но оказалось, что этот человек оставил в его душе слишком глубокий след...

Цзичжу Гама шагал быстро. Разобравшись с формальностями, он поднял глаза и увидел, как плетущиеся сзади Линь Фэн и Саньхай только-только переступают порог академии.

Он всё еще помнил то презрение во взгляде того парня. Руки крепче сжали лямки вещмешка, а глядя на ударившуюся в обнимку парочку впереди, он выплюнул сквозь зубы ругательство:

— Шавка за углом, банда с душком, грязная лужа, протухшая крыса, тьфу!

— Ох! — шедший следом новобранец не удержался от смеха и поднял большой палец. — Дружище, крепкое у тебя сычуаньское словечко! Давай дружить, я — Сылан Цзэжэнь, из тибетской народности моньба.

— Цзичжу Гама, кхамец. — Цзичжу Гама обернулся, озарив собеседника ослепительной улыбкой, и протянул руку.

— О~ наш тибетский герой. — Сылан крепко пожал ему руку и по-дружески приобнял за плечи. — Мне нравится.

Цзичжу Гама залился раскатистым смехом и крепко обнял его в ответ:

— Друг.

Кхамцы всегда оставались горячими и прямолинейными. Их чуждый жеманности нрав позволял им открыто и сердечно улыбаться тем, кого они считали друзьями. Путь от незнакомцев до близких людей занимал у них считанные мгновения. Единственное, чего они не переносили — это высокомерных снобов, ставящих себя выше остальных, тех самых безупречно чистеньких интеллигентов.

Переступив порог казармы, Линь Фэн чуть не ослеп от яркого света.

Благодаря Саньхаю, двое обитателей комнаты, прибывшие раньше остальных, выглядели донельзя холеными и интеллигентными. Их кожа была бела так, будто они отроду не видели солнца, а манеры выдавали людей, круглыми сутками просиживающих за кистью и тушью — им не хватало разве что очков, чтобы заявить о своей учености.

Оба парня явно уже успели познакомиться. На них была надета выданная заранее форма, а в руках они вертели запасные комплекты, обсуждая, в каких именно случаях положено носить ту или иную одежду. Несколько уже снятых вещей валялись прямо на кроватях.

Заметив вошедших, они замолчали и уставились на них.

Саньхай первым высунулся вперед и с беззаботной улыбкой бросил:

— Будем знакомы: Бянь Хай, Линь Фэн.

Один из высоких и худых парней указал на товарища и представился:

— Гун Цзюнь, а меня зовут Чжэнь Сун. Вы познакомились снаружи или прибыли вместе?

Саньхай по-свойски закинул руку на плечо Линь Фэна:

— Закадычные друзья, из одного места.

— О, и вправду крепкая дружба: не только вместе поступили, но еще и в одну казарму попали, — Гун Цзюнь встряхнул форму в руках. — Гляньте-ка, всё в шкафах. Переодевайтесь быстрее, чего доброго, вечером устроят нам какую-нибудь знатную встряску.

Глаза Саньхая блеснули, он улыбнулся:

— Тоже из наших кругов?

— Он-то да, а я нет, — ответил Гун Цзюнь. — Но перед отъездом я нарыл кучу информации, так что морально готов.

— Башковитый! — Саньхай поднял большой палец, а затем повернулся к Чжэнь Суну. — А ты откуда?

— Из гарнизона Чунцина, а вы?

Саньхай уже было открыл рот, но вспомнил предупреждение Линь Фэна, вовремя притормозил и отделался шуткой:

— Наш гарнизончик мелкий, назови мы его — всё равно не слышал.

Гун Цзюнь и Чжэнь Сун только переглянулись — судя по всему, в мыслях они уже примерили на них какой-нибудь заштатный гарнизонный гарлик.

Места у окон уже были заняты старожилами. Линь Фэн попытался поспорить с Саньхаем за оставшиеся, но не смог одолеть бесстыдства этого парня, который просто завалился на кровать звездочкой. В итоге Линь Фэну досталось койка у самой двери.

Увидев, как Линь Фэн открыл встроенный внизу шкаф и принялся раскладывать выданное академией имущество, Саньхай тоже загорелся и соскочил с кровати. Заглянув в свой шкаф, где рядами висели с десятков комплектов одежды, он принялся ворчать о том, сколько же времени всё это придется снашивать.

— Полевая форма, — Линь Фэн вытащил камуфляж и бросил на него взгляд. — Всю остальную одежду тебе выдали на зависть. Много ли ты ее поносишь?

— Пожалуй, ты прав, — пробормотал Саньхай и принялся переодеваться в полевую.

Хотя новоиспеченным курсантам и разрешалось носить гражданское, делалось это лишь на время регистрации. Совсем скоро, с началом военной подготовки, снять зеленку будет уже невозможно. Да и много ли найдется желающих упустить шанс сразу же облачиться в эту форму? Ведь доблесть и железобетонная твердость военных, их негибкая стойкость и готовность выполнить приказ ценой собственной жизни уже давно проникли в сердца людей.

Даже Саньхай, да и он сам, не были исключением.

Восхищение, подражание, слияние со всем этим в единое целое, чтобы стать частью общего строя.

Примечания автора:

Мне так хочется услышать, как Цзичжу Гама зовет Линь Фэна А Цзи.

Как подумаю, что они пройдут путь от взаимной неприязни до любви, меня прямо переполняет нежность~~

Прикрепляю картинку к прошлой главе.

Красив ли бронзовый загар? Это кожа, о которой мечтает любой мужчина.

Давайте немного пофантазируем... когда тело Цзичжу Гамы покрыто капельками пота, а на него падает луч солнца...

<http://bllate.org/book/24978/2953813>